

Р.Ю.Белькович, С.В.Виноградов
РАВЕНСТВО УДАЧИ:
РАЗВИТИЕ ЭГАЛИТАРНЫХ
КОНЦЕПЦИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В КОНЦЕ XX ВЕКА

Родион Юрьевич Белькович — кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: rbelkovich@hse.ru.

Сергей Валерьевич Виноградов — преподаватель департамента права цифровых технологий и биоправа, аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, стажер-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: svinogradov@hse.ru.

Аннотация. Со времени выхода в свет «Теории справедливости» Джона Ролза доминирующее положение в академических дискуссиях о проблеме социальной справедливости занимает эгалитарная традиция, связывающая справедливое устройство общества с достижением равенства в том или ином отношении. Статья посвящена анализу эволюции эгалитаризма удачи, ставшего к концу XX в. магистральным направлением в рамках данной традиции. Отправной точкой для аргументации представителей этого направления послужили рассуждения Ролза о лотерее рождения, согласно которым произвольная с моральной точки зрения прихоть фортуны, влияющая на распределение ресурсов в обществе, несправедлива, а потому должна быть компенсирована.

Подход Ролза к минимизации роли удачи в справедливом распределении не гарантировал достаточной компенсации природных неравенств, предполагая одновременно чрезмерную компенсацию «дорогих вкусов». Пытаясь решить эту проблему, Рональд Дворкин разграничил слепую и опциональную удачу, задействовав модель «занавеса неведения», за которым определяется размер справедливой компенсации. Дальнейшее развитие эгалитаризма удачи на рубеже 1980—1990-х годов связано с именами Ричарда Арнесона, Джеральда Коэна, Джона Рёмера и некоторых других авторов,

внесших ряд дополнений и изменений в концепцию незаслуженной удачи и предложивших свои пути нейтрализации ее последствий для общества.

Аргументы сторонников эгалитаризма удачи конца XX в. были нацелены на усиление роли свободного выбора человека и имплантацию этики ответственности в теорию социальной справедливости. В то же время рассмотрение удачи в качестве истинной «валюты равенства» поставило вопрос справедливого распределения в зависимости от согласия относительно пределов способности людей к систематическому воспитанию добродетелей и границ пространства ответственности индивида за свою судьбу.

Ключевые слова: социальная справедливость, равенство возможностей, эгалитаризм удачи, Джон Ролз, Рональд Дворкин

Введение

Одной из центральных проблем современной политико-правовой мысли является социальная справедливость — вопрос о принципах институционального устройства общества, позволяющих обеспечивать справедливое распределение ресурсов. В 1971 г. Джон Ролз в своей книге «Теория справедливости», сделавшей его одним из самых цитируемых философов наших дней, назвал справедливость «первой добродетелью общественных институтов», отметив, что «законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы»¹.

¹ Ролз 2017: 19.

Благодаря Ролзу наиболее популярным подходом к поиску оснований социальной справедливости в рамках западной политической философии стал эгалитаризм, связывающий справедливое институциональное устройство с достижением равенства в каком-либо отношении — в доходах, богатстве, благосостоянии, возможностях и т.д. Повышенное внимание к борьбе с неравенством собрало под знаменем эгалитарной справедливости очень разнородные теории. Как заметил в начале 1990-х годов Амартия Сен, «любая нормативная теория справедливости, получившая в последнее время поддержку и признание, похоже, требует равенства в чем-то — в том, что в этой теории считается особенно важным»².

² Sen 1992: 12.

Магистральным направлением «эгалитарной» дискуссии стала линия рассуждений (объединившая концепции Рональда Дворкина, Ричарда Арнесона, Джеральда Коэна, Джона Рёмера и ряда других авторов), позднее названная Элизабет Андерсон эгалитаризмом удачи (luck egalitarianism)³. Данное направление исходило из необходимости общественной компенсации гражданам эгалитарного политического сообщества последствий несправедливой прихоти фортуны посредством программ перераспределения через сбор налогов и выплату социальных пособий.

³ Anderson 1999: 289.

Не так давно на русском языке был представлен анализ критики эгалитаризма удачи извне эгалитарной традиции⁴. Настоящая статья призвана познакомить отечественного читателя с эволюцией академи-

⁴ Сепеда 2021.

ческой дискуссии по вопросам социальной и природной удачи, которая велась в конце XX в. в рамках самой этой традиции. Экспликация логики этой внутренней борьбы позволяет выявить ключевые идеи, повлиявшие на развитие эгалитарных теорий, а тем самым и на современное состояние соответствующего проблемного поля.

**Эгалитаризм:
социальное
неравенство
и лотерея
рождения**

Эгалитаризм, как несложно заключить из этимологии самого этого слова⁵, предполагает особое внимание к равенству людей. Однако равенство какого рода? В самом широком смысле эгалитарная традиция исходит из тезиса о *фундаментальном моральном равенстве* людей: каждый человек должен относиться к другому как к равному, всякий имеет равную моральную ценность, равное достоинство. Этот этический тезис влечет за собой политико-правовое требование *равного демократического гражданства* — гарантию равного набора прав и свобод для всех, недопущение социальной дискриминации и равный доступ граждан к участию в политической жизни. В социально-экономической сфере из морального равенства людей вытекает требование *равенства возможностей*: если все человеческие судьбы в равной степени ценны, любое основанное на различиях между людьми неравенство жизненных перспектив должно быть признано морально произвольным, а следовательно, несправедливым. Задача справедливого общества — борьба с неравенством возможностей людей прожить достойную и счастливую жизнь.

⁵ *Égalité* (фр.) — равенство.

Нужно заметить, что в подобной формулировке требование равенства оказывается буквально общим местом в постпросвещенческой философской мысли, а потому использование термина «эгалитаризм» в столь широком значении практически бесполезно для ориентации в современной политической теории. В связи с этим в литературе данный термин, как правило, употребляется в узком смысле, исключая из числа эгалитарных мыслителей сторонников свободного рынка (анархо-капиталистов, либертарианцев, классических либералов и т.п.) и охватывающем лишь левую политическую мысль, отстаивающую идею перераспределения доходов. Водоразделом между правой и левой эгалитаристскими традициями выступает трактовка равенства возможностей: если приверженцы первой довольствуются формальным равенством гражданских прав на свободном рынке, то представители второй настаивают на более честном равенстве возможностей, ключ к которому видят в государственном перераспределении через систему налогов и пособий. После выхода в свет «Теории справедливости» Ролза, с появлением которой Уилл Кимлика связывает начало «возрождения нормативной политической философии»⁶, спор о надлежащем понимании равенства возможностей разгорелся с новой силой.

⁶ *Кимлика 2010: 27.*

В своем труде Ролз формулирует принципы справедливого распределения первичных благ, которые, по его мнению, выбрал бы рациональный индивид в «исходном положении за занавесом неведения».

Однако помимо договорной аргументации, отсылающей к гипотетическому согласию, Ролз обращается и непосредственно к эгалитарным аргументам. Обрушиваясь на несправедливость неравного стартового положения людей, он отстаивает идею *честного* равенства возможностей, которое позволило бы не только гарантировать открытость трудовых вакансий и свободу предпринимательства, но и обеспечить всем индивидам, независимо от их социального положения, реальные шансы на экономическое благополучие⁷.

⁷ Ролз 2017: 84—89.

Предлагаемое классическим либерализмом формальное равенство возможностей Ролз обличает как недостаточное, ибо при таком подходе слишком много зависит от природных неравенств и слишком мало от решений самих людей. С его точки зрения, в справедливом обществе реализация человеком своих жизненных целей должна быть следствием свободного личного выбора, а не случайных обстоятельств. В обществах, понимающих равенство как равный доступ к «карьерам, открытым талантам», существует значимое неравенство в благосостоянии, обусловленное разницей в стартовых позициях — социальном положении при рождении и степени одаренности талантами, высоко оцениваемыми на рынке⁸. Считая подобное неравенство несправедливым, Ролз отвергает представление о том, что более старательные и талантливые индивиды заслуживают большего благосостояния. Исходное распределение талантов и положение при рождении трактуются им как «естественные случайности», которые не могут оправдывать неравенство⁹.

⁸ Там же: 75.

⁹ Там же: 96.

Ролз признает, что «естественная лотерея с розыгрышем природных дарований» есть факт объективной реальности и сама по себе не может рассматриваться как несправедливая. Однако институты справедливого общества не должны исходить при распределении благ из произвольного с моральной точки зрения распределения талантов и материально поощрять кого-либо столь безосновательным образом — это противоречило бы базовой для эгалитаризма идее о фундаментальном моральном равенстве людей¹⁰. При этом различного рода радикальные способы исправления последствий случайности рождения (например, изъятие детей из бедных семей либо та или иная форма евгенистической политики) несовместимы с первым из сформулированных Ролзом принципов справедливости — наделением людей «равным правом в отношении наиболее общей системы равных свобод»¹¹. Поэтому решение проблемы лотереи рождения должно лежать в сфере экономического устройства, где роль справедливости как нормативного требования к институтам распределения состоит в «смягчении естественных случайностей и социальных обстоятельств»¹².

¹⁰ Там же: 98—100.

¹¹ Там же: 267.

¹² Там же: 96.

Рассмотрим гипотетическую ситуацию с двумя девушками — Анной и Яной, первая из которых родилась талантливой и в богатой семье, а вторая инвалидкой и в семье бедной. Эгалитаризм в трактовке Ролза отрицает за Анной право на более высокий уровень благосостояния на протяжении всей ее жизни, если он обусловлен благоприятными обстоя-

ательствами рождения. Согласно Ролзу, «неравенства происхождения и природных дарований не заслуженны, эти неравенства должны быть как-то компенсированы... общество должно уделять больше внимания тем, кто родился в менее благоприятном социальном положении»¹³.

¹³ Там же: 97.

**Строгий
эгалитаризм,
принцип
различия и
«дорогие вкусы»**

Наиболее радикальным способом устранения такого рода неравенства социальной удачи является строгий эгалитаризм (strict egalitarianism), предполагающий достижение полного материального равенства посредством отказа от рыночной экономики или постоянного перераспределения доходов (так называемый рыночный социализм в версии Джозефа Каренса¹⁴). К приверженцам данного подхода относится, в частности, Брюс Экерман, провозгласивший строгое равенство долей в общественных благах моральной презумпцией, из которой следует исходить ввиду отсутствия веских моральных оснований для ее отклонения¹⁵. Аргументы в пользу строгого эгалитаризма можно найти также у Кристофера Эйка¹⁶ и Кая Нильсена¹⁷.

¹⁴ Подробнее см. Carens 1981.

¹⁵ Ackerman 1983.

¹⁶ Ake 1975.

¹⁷ Nielsen 1979, 1985.

¹⁸ Подробнее см. Holtug 1998.

¹⁹ Ролз 2017: 84.

Проблема строгого равенства заключается, однако, в том, что оно чревато «общим ухудшением» (levelling-down)¹⁸ и итогом внедрения подобного распределения благ, по сути исключающего какие-либо материальные стимулы к труду, скорее всего, окажется равенство в бедности. В связи с этим Ролз признает необходимость материальных стимулов для более талантливых членов общества, формулируя *принцип различия*, допускающий такое неравенство, которое способствует достижению максимальной ожидаемой выгоды для наименее преуспевших¹⁹. Иначе говоря, хотя в справедливом обществе Ролза распределение первичных благ не зависит от социальных условий, в которых находится человек (тем, кто родился в небогатой семье, компенсируются изъяны их социального происхождения), в нем сохраняются частная собственность и рыночная экономика как институты, стимулирующие продуктивное производство.

В то же время теория Ролза не предполагает прямой компенсации природных неравенств — различий в состоянии здоровья, интеллектуальных и физических способностях, творческой одаренности. Признавая, что «никто не заслуживает своего места в распределении природных задатков больше, чем он заслуживает своего исходного стартового места в обществе», Ролз тем не менее не видит необходимости в создании институтов для компенсации подобных неравенств²⁰. Будучи нацелен на улучшение материального положения людей с природными недостатками²¹, принцип различия не принимает во внимание «внутренние ресурсы» благосостояния индивида. В соответствии с этим принципом все наименее обеспеченные (в материальном отношении) граждане должны быть выгодополучателями перераспределения, независимо от наличия у них особых потребностей (например, потребности в специальном уходе). Между тем компенсация расходов, вызванных природными недостатками, является важным условием не только рав-

²⁰ Там же: 274.

²¹ Термин «недостаток» в эгалитарной дискуссии о природных талантах не носит оценочного характера, а лишь указывает на неравенство шансов на благополучие.

ной конкуренции, но и равенства возможностей для достойной жизни, декларируемого Ролзом. Более того, в рисуемом им обществе одаренные от природы люди смогут претендовать на большую долю в общем доходе, так как именно на стимулирование их продуктивности направлен принцип различия: «В справедливости как честности люди соглашаются *быть подвластными случайностям* природы и социальных обстоятельств только тогда, когда это идет во благо общества. Два принципа представляют собой честный путь *воспрепятствовать произволу фортуны* (курсив наш. — Р.Б., С.В.)»²².

²² Ролз 2017: 98.

Подобная половинчатость в стремлении к равенству закономерно подверглась критике слева — строгие эгалитаристы объявили концепцию Ролза недостаточно соответствующей духу равного отношения к людям²³. В частности, комментируя принцип различия Ролза, Коэн сформулировал так называемый аргумент похитителя. По его мнению, поскольку решение не работать в отсутствие финансовых стимулов находится во власти одаренных индивидов, модель эффективного неравенства является скорее не способом компенсации социальной неудачи, а формой вымогательства со стороны более талантливых, ультимативно требующих материальной выгоды за свою природную удачу в распределении способностей²⁴.

²³ Nielsen 1979: 211.

²⁴ Cohen 2008: 39—41. Подробнее о критике Коэна и внутренних противоречиях в теории Ролза см. Белькович и Виноградов 2021.

При этом стремление Ролза компенсировать (не)удачу парадоксальным образом предстает одновременно интуитивно чрезмерным, наталкиваясь на проблему «дорогих вкусов» (*expensive tastes*). Предположим, что упомянутые выше Анна и Яна рождаются в справедливом обществе Ролза, где Яне в качестве компенсации ее стартовой неудачи передается половина состояния Анны. Взрослея, более старательная и талантливая Анна инвестирует свои ресурсы в бизнес и усердно трудится, удовлетворяя потребности других людей и преумножая свое начальное благосостояние. Яна же предпочитает потратить полученную ею компенсацию не на образование и лечение, а на отдых и развлечения. Понятно, что в условиях конкурентного рынка Анна рано или поздно окажется успешнее и богаче Яны, даже с учетом стартового перераспределения ресурсов в пользу последней. Если следовать принципу различия Ролза, то перераспределение денег в пользу Яны должно продолжаться до тех пор, пока неравенство не перестанет быть полезным для обеих (или, как подсказывает Коэн, пока Анна не откажется работать из-за низких материальных стимулов).

²⁵ Критики справа сочли бы аргумент Ролза о произвольности талантов «принижаящим автономность человека и его ответственность за свои действия» (Нозик 2016: 268).

Ролз, наверное, возразил бы, что Яне просто не повезло родиться недостаточно старательной с повышенной склонностью к развлечениям, но самые базовые эгалитарные интуиции подсказывают, что описанная ситуация противоречит идеалу морального равенства. Люди не рождаются с заданным раз и навсегда набором предпочтений — многие вкусы суть результат сознательного выбора людей, их работы над собственными привычками и стремлениями²⁵. И ведь Яну нельзя даже обвинить в «неправильных» вкусах — она вполне может иметь отличные от Анны издержки и предпочитать отдых и недорогие развлечения труду

и богатству. Проблема заключается в том, что принцип различия Ролза оказывается нечувствительным к жизненным предпочтениям Яны, автоматически относит ее к числу менее обеспеченных и обязывает Анну оплачивать чужие вкусы своим трудом, выравнивая благосостояние в обществе. Именно в качестве ответа на эту проблему в 1980-е годы сформировалось направление, названное позднее эгалитаризмом удачи, сторонники которого предприняли попытку разграничить морально случайные способности людей и их сознательные, а потому морально значимые решения.

**Эгалитаризм
удачи:
компенсация
и ответственность**

²⁶ Dworkin 1981a,
1981b.

Начатая Ролзом борьба за честное равенство возможностей, свободное от воздействия лотереи рождения, была продолжена Дворкиным. В своей классической статье 1981 г. «Что такое равенство?»²⁶ он указывает, что устранение влияния прихоти фортуны на распределение требует не просто равенства первичных благ, но равенства всех ресурсов человека, то есть состояния, в котором внешние (материальные) ресурсы компенсируют недостаток ресурсов внутренних (тантов, здоровья и т.п.). При этом люди должны нести ответственность не за свою ресурсную одаренность, а за свои предпочтения — справедливая система распределения должна быть «нечувствительна к природным способностям» и в то же время «чувствительна к стремлениям», чтобы поддерживать людей с инвалидностью, но не поощрять «дорогие вкусы»²⁷.

²⁷ Dworkin 1981b:
311.

Для прояснения вопроса о путях достижения равенства ресурсов Дворкин прибегает к мысленному эксперименту, рисуя гипотетический аукцион, на котором имеющиеся в обществе материальные ресурсы распределяются в максимальном соответствии с предпочтениями людей. Представим, что каждый имеет равную долю каждого внешнего ресурса, а затем обменивается с другими, отдавая более нужное другому в обмен на необходимое для себя. В определенный момент все возможные сделки будут совершены, а итоговые доли человека в различных ресурсах пройдут «тест на зависть»: никто не предпочтет чужой набор ресурсов собственному (при одинаковых затратах и возможностях приобретения), так как уже имеет наилучшую комбинацию, учитывающую его предпочтения в условиях равенства долей²⁸. Согласно Дворкину, в результате все получают равное внимание к тем потребностям, которые имеют от рождения. Как отмечает по этому поводу Кимлика, подобного рода «тест на зависть» не предполагает равного благополучия — он лишь удостоверяет, что тот, кто в силу своих предпочтений оказался несчастнее других, был бы еще несчастнее, обладая набором ресурсов любого другого человека²⁹.

²⁸ Ibid.: 285.

²⁹ Кимлика 2010:
109.

Итак, Дворкин разграничивает сознательные предпочтения, вкусы, амбиции человека и случайные обстоятельства (такие, как таланты или врожденные проблемы со здоровьем). Недостаток внутренних ресурсов должен компенсироваться только применительно к случайным

³⁰ Dworkin 1981b: 293.

обстоятельствам, относимым к «слепой удаче» (brute luck), поскольку человек не может нести ответственность за прихоти фортуны. Остальные обстоятельства признаются «опциональной удачей» (option luck), то есть следствием сознательного риска, за который человек должен нести материальную ответственность³⁰. При таком подходе соблюдается моральное равенство индивидов, но сглаживается «слепая удача», не связанная с выбором человека. Неравенство же, возникшее в результате добровольного выбора, не считается несправедливым.

Но способен ли смоделированный Дворкином аукцион гарантировать успешное прохождение «теста на зависть»? Очевидно, что жертвы «слепой удачи», например инвалиды, вполне могут предпочесть чужой стартовый набор ресурсов своему. Поскольку, наряду со схожими с другими потребностями, они имеют специфические нужды, удовлетворение которых требует большего количества внешних ресурсов, многие из них, вероятно, выбрали бы чужой набор ресурсов, менее отвечающий их потребностям, но при этом не связанный с тратами на возмещение природных недостатков. В этой ситуации было бы справедливым сначала покрыть из общего «котла» все затраты нуждающихся, тем самым компенсировав им дефицит природных ресурсов, а затем поделить остаток поровну и тогда уже проводить описанный аукцион. Только такой подход отвечает ключевой идее эгалитаризма удачи: если негативные следствия прихоти фортуны признаются случайными с моральной точки зрения, то затраты на их возмещение должны быть в равной степени распределены среди всех членов общества. После подобной процедуры достигнутое на аукционе распределение действительно прошло бы тест на зависть.

Однако главная проблема заключается в том, что полное уравнивание ресурсов недостижимо — внешние ресурсы плохо конвертируются во внутренние. Материальная компенсация не в состоянии полностью устранить все природные недостатки людей, пострадавших от «слепой удачи». Так, никакие деньги не возместят обездвиженному человеку отсутствие способности ходить³¹. Тем не менее каждая последующая единица материальных ресурсов приносит прирост внутренних ресурсов, хотя и с убывающей эффективностью (например, покупка недорогого кресла для передвижения в значительной мере облегчит положение человека с инвалидностью, тогда как дорогостоящая операция на спинном мозге не дает никаких гарантий и может быть просто опасной). В предельном случае общество вынуждено было бы потратить все ресурсы на максимальное удовлетворение подобных нужд — лишением внутренних изъянов пришлось бы пренебречь даже основными своими потребностями ради небольшого улучшения положения тех, кому «не повезло»³². Дворкин называет такую ситуацию «рабством талантливых», признавая, что полностью покрыть весь недостаток внутренних ресурсов в обществе невозможно³³.

В связи с этим необходимо оценить, какую долю природных недостатков должно компенсировать справедливое общество, основан-

³¹ Критику внимания к благам как таковым, а не к возможностям, которые те представляют людям, см. Sen 1979.

³² Dworkin 1981b: 300.

³³ Ibid.: 322.

ное на равенстве. Для решения этой задачи Дворкин прибегает к другому мысленному эксперименту, задействуя модифицированную идею Ролза о тонком занавесе неведения. По ту сторону «занавеса» люди не знают, какие природные способности получают в реальном мире (и потому исходят из равной вероятности оказаться в тех или иных условиях), но при этом знают свои жизненные предпочтения, неразрывно связанные с их личностью. После того как «занавес неведения» опускается, всем предоставляется равная доля ресурсов и устраивается аукцион страховок, в ходе которого каждый индивид должен решить (опираясь на знание о своих предпочтениях), какую часть своих ресурсов он готов потратить на страхование от риска природных недостатков. В итоге определяется общая сумма «страхового покрытия», которую общество считает обоснованным направить на компенсации людям, пострадавшим от «слепой неудачи» и имеющим природные недостатки³⁴.

³⁴ *Ibid.*: 296—299.

В приведенном выше примере с двумя девушками Дворкин, по всей видимости, призвал бы Анну компенсировать Яне изначальное неравенство их внутренних ресурсов (инвалидность, относящуюся к следствиям «слепой неудачи») — но только в том размере, в котором за «занавесом неведения» она сочла бы необходимым застраховать свой риск оказаться на месте Яны. Любовь к развлечениям и предпочтение отдыха труду неразрывно связаны с личностью Яны и ее жизненным выбором, а потому не должны компенсироваться Анной.

Валюта равенства и пределы ответственности

Аргументы, выдвинутые Ролзом и Дворкиным в поддержку идеи компенсации несправедливой прихоти фортуны, вызвали бурную дискуссию среди сторонников эгалитарного подхода к социальной справедливости. Ряд видных экономистов и политических философов, в том числе Арнесон, Коэн, Рёмер, Эрик Раковски и др., сформулировали свои версии нейтрализации последствий «слепой удачи» для общества.

Теории справедливости Ролза и Дворкина объединяет то, что они направлены против неравенства как такового — независимо от абсолютного благосостояния бедных. Расхождения между ними во многом обусловлены тем, что Ролз ставил во главу угла равенство благосостояния, измеряемого первичными благами, а Дворкин — равенство ресурсов. Иную интерпретацию эгалитарного идеала и метрику для оценки равенства людей предложил Арнесон — в основе его концепции лежит равенство возможностей для благополучия (equality of opportunity for welfare)³⁵.

³⁵ *Arneson 1989*.

³⁶ *Арнесон особо отмечает, что решение вопроса о свободе воли с позиций жесткого каузального детерминизма свело бы его теорию к равенству благополучия (Ibid.: 88).*

Критикуя Дворкина за попытку провести границу эгалитарной справедливости по линии ресурсы/предпочтения, где первые признаются случайными и компенсируются, а вторые считаются морально значимым выбором человека, Арнесон подчеркивает, что, поскольку многие предпочтения человека связаны с воспитанием³⁶ и не находятся

- ³⁷ *Ibid.*: 78—80. под полным его контролем, было бы несправедливо целиком возлагать на индивида сопряженные с ними издержки³⁷. Базовой идее Дворкина о компенсации фактора «слепой удачи», с его точки зрения, больше отвечает равенство возможностей по достижению благополучия, то есть шансов человека получить то благо, к которому он стремится. При этом Арнесон разграничивает наилучшие предпочтения первого и второго порядка (*first-best* и *second-best preferences*)³⁸. Наилучшие предпочтения первого порядка отражают базовую функцию полезности для человека (благополучия) в условиях полной рациональности и доступа к информации — они отличаются от реальных предпочтений индивида в той мере, в которой он пересмотрел бы последние при большем объеме знаний и развитии благоразумии. Наилучшие предпочтения второго порядка отличаются от предпочтений первого порядка в той мере, в которой индивид оказывается неспособен переучиться и воспитать в себе потребности, которые выбрал бы, будучи полностью рациональным. Именно наилучшие предпочтения второго порядка, согласно Арнесону, должны учитываться при выравнивании возможностей для благополучия индивидов. Впрочем, как признает сам Арнесон, ввиду заведомой неполноты информации о предпочтениях индивидов и степени их ответственности за эти предпочтения расхождения между его теорией и теориями Ролза и Дворкина на практике трудноразличимы³⁹.
- ³⁸ *Ibid.*: 83.
- ³⁹ *Ibid.*: 87.

В гипотетической ситуации с Анной и Яной Арнесон призвал бы Анну не только компенсировать Яне изначальное неравенство природных ресурсов, связанное с инвалидностью, но и оплатить ей курс по воспитанию трудолюбия. При этом в той степени, в которой Яна окажется неспособна воспитать в себе добродетели усидчивости и скромности, она может претендовать и на компенсацию своих предпочтений по части отдыха и развлечений.

- Сходные претензии к теориям справедливости Дворкина и Ролза высказывает и Коэн⁴⁰. Обращаясь к предпочтениям людей, которые основоположники эгалитарного подхода относят к «дорогим вкусам», он указывает на внутреннюю противоречивость их позиций по данному вопросу. В частности, Ролз утверждает, что усилия людей не в полной мере являются следствием целенаправленного выбора, а частично зависят от талантов и способностей и потому не должны вознаграждаться⁴¹. Однако в отношении «дорогих вкусов» он исходит из того, что ввиду частичной моральной ответственности индивида за подобные предпочтения он не вправе претендовать на их компенсацию⁴². То есть в первом случае *частичное* влияние фактора фортуны служит аргументом в пользу случайности и незаслуженности плодотворных усилий индивидов, во втором же *частичная* ответственность признается достаточной, чтобы возложить на индивида вытекающие из нее последствия.
- ⁴⁰ *Cohen 1989*.
- ⁴¹ *Ролз 2017*: 274—275.
- ⁴² *Rawls 1982*: 168—169.

Не устраивает Коэна и теория равенства ресурсов Дворкина, не вполне последовательно, с его точки зрения, проводящая границу

между ответственностью и случайностью. Так, когда речь идет о выборе человеком профессии, Дворкин считает вкусы и предпочтения других людей случайными и высказывается за перераспределение доходов лиц, предоставляющих более ценимые на рынке услуги, в пользу тех, кому не повезло трудиться в менее востребованных областях⁴³. В то же время применительно к предпочтениям в сфере досуга он придерживается иной позиции. Приводя пример гурмана, намеренно культивирующего в себе любовь к дорогим еде и напиткам, он отказывает ему в праве на компенсацию данных предпочтений (так как они культивируются и не являются следствием «слепой удачи»), даже если переход на более экономное питание будет означать резкое сокращение его благополучия⁴⁴.

⁴³ *Dworkin 1981b:*
308.

⁴⁴ *Dworkin 1981a:*
229—234.

В целом соглашаясь с выводами Дворкина, Коэн ставит под вопрос критерии, применяемые им при определении границ эгалитарной справедливости: в проводимых Дворкиным мысленных экспериментах эгалитарные интуиции подкрепляет не желание выровнять ресурсы людей, а стремление связать распределение с ответственностью за добровольный выбор. Для иллюстрации своей мысли Коэн приводит пример двух индивидов, один из которых предпочитает в качестве досуга дорогостоящее фотографирование, а другой — более доступную рыбалку⁴⁵. В соответствии с позицией Дворкина мы не должны компенсировать фотографу его не относящиеся к ресурсам «дорогие вкусы», пусть даже он не культивировал их намеренно и от природы не склонен получать удовольствие от рыбной ловли. Между тем, как и в ситуации выбора профессии, при выборе досуга человек сталкивается с внешней для него рыночной стоимостью оказываемых услуг или понесенных издержек, что, по мнению Коэна, делает необоснованным компенсацию предпочтений исключительно в первом случае⁴⁶.

⁴⁵ *Cohen 1989:* 923.

⁴⁶ *Ibid.:* 932—933.

Сторонников использования в качестве «валюты равенства» категории благосостояния (в частности, Арнесона) Коэн критикует за оправдание публично навязанных неравенств особенностями характера жертвы «слепой удачи»⁴⁷. В нашем примере эгалитаристы вроде Арнесона вынуждены были бы отказать Яне в инвалидной коляске, если девушка «чрезмерно» счастлива и без нее, но в то же время выделить компенсацию и без того богатой Анне, если в силу ворчливого характера та крайне недовольна жизнью и вечно угрюма. С точки зрения Коэна, это прямо противоречит здравым эгалитарным интуициям.

⁴⁷ *Ibid.:* 917—918.

Альтернативу равенству благосостояния и равенству ресурсов Коэн видит в равенстве доступа к преимуществам (equality of access to advantage)⁴⁸. Равенство этого типа отчасти сходно с равенством возможностей для благополучия Арнесона, но преимущество в трактовке Коэна шире, чем благополучие (в частности, оно включает свободу от эксплуатации), а доступ — шире, чем возможность (например, должны компенсироваться глупость или слабость, мешающие человеку использовать свои возможности). В соответствии с этим подходом, Яне должен быть обеспечен равный доступ к времяпрепровождению в виде

⁴⁸ *Ibid.:* 916—917.

прогулок в местном парке, даже если высокий уровень ее благополучия можно обеспечить и без этого. В связи с этим Анну следует обложить специальным налогом, направленным на строительство пандусов, пусть даже уровень ее счастья значительно ниже среднего по причине пессимистичности натуры.

Заключение

В эволюции эгалитарных теорий справедливости последней трети XX в. можно выделить три основных этапа. В 1971 г. Ролзом была сформулирована концепция честного равенства возможностей, требовавшая смягчить влияние лотереи рождения на материальное благополучие граждан справедливого сообщества. Аргумент Ролза о необходимости компенсировать морально случайное неравенство путем перераспределения стал поворотной точкой в развитии эгалитарных интуиций и в начале 1980-х годов был углублен в теории Дворкина, на основе которой сформировалось крайне влиятельное направление мысли — эгалитаризм удачи. К концу 1990-х годов представители этого направления (Дворкин, Арнесон, Коэн и др.), казалось, окончательно увязли в спорах о границах ответственности человека за свой выбор⁴⁹ и пределах компенсации «слепой удачи», и ресурс эгалитаризма удачи как объяснительной модели для построения нормативной теории справедливости был исчерпан.

Разъедавшие эгалитаризм удачи внутренние противоречия сделали его объектом агрессивной критики со стороны приверженцев «демократического равенства», видевших главную цель эгалитарной традиции в борьбе за уважение к человеческому достоинству, а не в попытках устранить материальное неравенство, обусловленное лотереей рождения⁵⁰. Тем не менее в XXI столетии эгалитаристы удачи смогли не только «перегруппироваться» и дать бой многочисленным критикам⁵¹, но и воспитать новое поколение сторонников данного подхода, ставшего, по словам одного из них, «наиболее обсуждаемой постролзовской теорией распределительной справедливости»⁵². Однако развитие эгалитаризма удачи на современном этапе (равно как и его влияние на публичную политику) требует самостоятельного исследования.

⁴⁹ По мнению ряда критиков, попытка провести такие границы была заведомо обречена на провал (см., напр. Shapiro 1996: 64—69, 73—75).

⁵⁰ Anderson 1999.

⁵¹ Обзор соответствующих аргументов см. Середа 2021: 277—281.

⁵² Knight 2013: 925.

Библиография

Белькович Р.Ю. и С.В.Виноградов. (2021) «Спасение Ролзовской справедливости: совместимо ли братство с принципом различия?» // *Полития*, № 1 (100): 60—74. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-60-74.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-60-74.pdf) (проверено 9.09.2023).

Кимлика У. (2010) *Современная политическая философия: Введение*. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики.

Нозик Р. (2016) *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН; Социум.

Ролз Дж. (2017) *Теория справедливости*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.

Серета Д. (2021) «Эгалитаризм удачи: два направления критики» // *Социологическое обозрение*, т. 20, № 2: 273–289. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2021/06/29/1428739754/SocOboz_20_2_273-289_Sereta.pdf (проверено 9.09.2023).

Ackerman B.A. (1983) «Comment on Fried on Getting What We Don't Deserve» // *Social Philosophy and Policy*, vol. 1, no. 1: 60–70.

Ake C. (1975) «Justice as Equality» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 5, no. 1: 69–89.

Anderson E.S. (1999) «What Is the Point of Equality?» // *Ethics*, vol. 109, no. 2: 287–337.

Arneson R.J. (1989) «Equality and Equal Opportunity for Welfare» // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, vol. 56, no. 1: 77–93.

Carens J.H. (1981) *Equality, Moral Incentives, and the Market: An Essay in Utopian Politico-Economic Theory*. Chicago: University of Chicago Press.

Cohen G.A. (1989) «On the Currency of Egalitarian Justice» // *Ethics*, vol. 99, no. 4: 906–944.

Cohen G.A. (2008) *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Dworkin R. (1981a) «What Is Equality? Part 1: Equality of Welfare» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 3: 185–246.

Dworkin R. (1981b) «What Is Equality? Part 2: Equality of Resources» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283–345.

Holtug N. (1998) «Egalitarianism and the Leveling Down Objection» // *Analysis*, vol. 58, no. 2: 166–174.

Knight C. (2013) «Luck Egalitarianism» // *Philosophy Compass*, vol. 8, no. 10: 924–934.

Nielsen K. (1979) «Radical Egalitarian Justice: Justice as Equality» // *Social Theory and Practice*, vol. 5, no. 2: 209–226.

Nielsen K. (1985) *Equality and Liberty: A Defense of Radical Egalitarianism*. Totowa (NJ): Rowman and Allanheld.

Rawls J. (1982) «Social Unity and Primary Goods» // Sen A. and B. Williams, eds. *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press: 159–185.

Sen A. (1979) «Equality of What?» // McMurrin S.M., ed. *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press: 197–220.

Sen A. (1992) *Inequality Reexamined*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Shapiro I. (1996) «Justice and Workmanship in a Democracy» // Shapiro I. *Democracy's Place*. Ithaca, London: Cornell University Press: 53–78.

R.Yu. Belkovich, S.V. Vinogradov
EQUALITY OF LUCK:
EVOLVEMENT OF EGALITARIAN
THEORIES OF JUSTICE
IN THE LATE 20TH CENTURY

Rodion Yu. Belkovich — Ph.D. in Law; Associate Professor at the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, HSE University.
 E-mail: rbelkovich@hse.ru.

Sergey V. Vinogradov — Lecturer at the School of Digital Law and Bio-Law; Ph.D. Candidate at the School of Theory of Law and Comparative Law; Junior Research Fellow at the Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects, Centre for Fundamental Research; HSE University.
 E-mail: svinogradov@hse.ru.

Abstract. Since the publication of John Rawls’s *Theory of Justice*, the egalitarian tradition, which associates fair institutional structure with reaching equality in one aspect or another, has started to play a central role in academic discussions of the social justice problem. The article is devoted to the analysis of the evolution of egalitarianism of luck, which by the end of the 20th century has become the main direction in the framework of this tradition. The proponents of this direction in their argument depart from Rawls’s idea about the lottery of birth, according to which a game played by a fortune, being arbitrary from the moral point of view and affecting the distribution of resources in society, is unfair, and therefore should be compensated.

Rawls’s approach to minimizing the role of luck in a fair distribution did not guarantee sufficient compensation for natural inequalities, assuming at the same time excessive compensation for “expensive tastes”. Trying to solve this problem, Ronald Dworkin distinguished between brute and option luck, using the model of the “veil of ignorance”, behind which the amount of fair compensation is determined. Further development of egalitarianism of luck at the turn of the 1980—1990s is associated with the names of Richard Arneson, Gerald Cohen, John Roemer and some other authors who made a number of amendments and changes to the concept of undeserved luck and proposed their own ways to neutralize its consequences for society.

The arguments of proponents of luck egalitarianism at the end of the 20th century aimed at strengthening the role of an individual’s freedom of choice and implantation of the ethics of responsibility into the theory of social justice. At the same time, the interpretation of luck as a true “currency of equality”

made the question of fair distribution conditional upon the consensus on the limits of human capacity for systematic cultivation of virtues and the scope of individual responsibility for one's own destiny.

Keywords: social justice, equality of opportunities, luck egalitarianism, John Rawls, Ronald Dworkin

References

- Ackerman B.A. (1983) "Comment on Fried on Getting What We Don't Deserve" // *Social Philosophy and Policy*, vol. 1, no. 1: 60–70.
- Ake C. (1975) "Justice as Equality" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 5, no. 1: 69–89.
- Anderson E.S. (1999) "What Is the Point of Equality?" // *Ethics*, vol. 109, no. 2: 287–337.
- Arneson R.J. (1989) "Equality and Equal Opportunity for Welfare" // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, vol. 56, no. 1: 77–93.
- Belkovich R.Yu. and S.V.Vinogradov. (2021) "Spasenie Rolzovskoj spravedlivosti: sovместimo li bratstvo s printsipom razlichija?" [Rescuing Rawlsian Justice: Are Fraternity and Difference Principle Compatible?] // *Politeia*, no. 1 (100): 60–74. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-60-74.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-60-74.pdf) (accessed on 9.09.2023). (In Russ.)
- Carens J.H. (1981) *Equality, Moral Incentives, and the Market: An Essay in Utopian Politico-Economic Theory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cohen G.A. (1989) "On the Currency of Egalitarian Justice" // *Ethics*, vol. 99, no. 4: 906–944.
- Cohen G.A. (2008) *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Dworkin R. (1981a) "What Is Equality? Part 1: Equality of Welfare" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 3: 185–246.
- Dworkin R. (1981b) "What Is Equality? Part 2: Equality of Resources" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283–345.
- Holtug N. (1998) "Egalitarianism and the Leveling Down Objection" // *Analysis*, vol. 58, no. 2: 166–174.
- Knight C. (2013) "Luck Egalitarianism" // *Philosophy Compass*, vol. 8, no. 10: 924–934.
- Kymlicka W. (2010) *Sovremennaja politicheskaja filosofija: Vvedenie* [Contemporary Political Philosophy: An Introduction]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Nielsen K. (1979) "Radical Egalitarian Justice: Justice as Equality" // *Social Theory and Practice*, vol. 5, no. 2: 209–226.
- Nielsen K. (1985) *Equality and Liberty: A Defense of Radical Egalitarianism*. Totowa (NJ): Rowman and Allanheld.
- Nozick R. (2016) *Anarkhija, gosudarstvo i utopija* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow: IRISEN; Sotsium. (In Russ.)

Rawls J. (1982) “Social Unity and Primary Goods” // Sen A. and B. Williams, eds. *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press: 159—185.

Rawls J. (2017) *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: URSS; LENAND. (In Russ.)

Sen A. (1979) “Equality of What?” // McMurrin S.M., ed. *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press: 197—220.

Sen A. (1992) *Inequality Reexamined*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Sereda D. (2012) “Egalitarizm udachi: dva napravlenija kritiki” [Luck Egalitarianism: Two Lines of Critique] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 20, no. 2: 273—289. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2021/06/29/1428739754/SocOboz_20_2_273-289_Sereda.pdf (accessed on 9.09.2023). (In Russ.)

Shapiro I. (1996) “Justice and Workmanship in a Democracy” // Shapiro I. *Democracy’s Place*. Ithaca, London: Cornell University Press: 53—78.